

МЕЖДУ ГОРЕМ И ГОРДОСТЬЮ: ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ

А.М. РИКЕЛЬ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),
г.Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>,
e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Н.В. ФЕДОРОВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),
г.Москва, Российская Федерация,
e-mail: fedorova731@mail.ru

И.Б. БОВИНА

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г.Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>,
e-mail: innabovina@yandex.ru

Категории поколения и эмоциональных реакций в рамках коллективной памяти рассматриваются как центральные в русле излагаемого здесь исследования. Предполагается, что исторические события ассоциируются с теми или иными эмоциональными переживаниями, а коллективная память сохраняет крайне положительные или крайне отрицательные из них. Исследование проводилось с помощью визуальных методов, в которых испытуемым предлагалось оценить

свои чувства при взгляде на фотографии различных войн XX века. Делаются выводы о наиболее выраженном чувстве страха у всех поколений россиян при оценке различных образов войны; отсутствии различий в восприятии Второй мировой войны у четырех поколений россиян ($N = 589$ человек) по всем эмоциональным реакциям, за исключением переживания гордости за результаты войны. Отдельно описывается так называемое поколение «Игрек», испытывающее наименее яркую эмоциональную реакцию, в том числе в части чувства эмпатии.

Ключевые слова: поколение, коллективная память, эмоции, визуальные методы, война, Вторая мировая война.

Для цитаты: *Рикель А.М., Федорова Н.В., Бовина И.Б.* Между горем и гордостью: визуальные методы для исследования межпоколенческих особенностей эмоциональных переживаний и коллективной памяти о войне // *Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 127–143. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290408>*

BETWEEN GRIEF AND PRIDE: VISUAL METHODS FOR THE STUDY OF INTERGENERATIONAL FEATURES OF EMOTIONAL EXPERIENCES AND COLLECTIVE MEMORY OF THE WAR

ALEXANDER M. RIKEL

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>,
e-mail: a.m.rikel@gmail.com

NATALIA V. FEDOROVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: fedorova731@mail.ru

INNA B. BOVINA

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>,
e-mail: innabovina@yandex.ru

The category of generation and emotional reactions within the framework of collective memory are considered as central categories within the framework of the research presented here. It is assumed that historical events are associated with certain emotional experiences, and the collective memory retains extremely positive or extremely negative ones. The study was conducted using visual methods, in which the subjects were asked to assess their feelings and emotions when looking at pho-

tographs of various wars of the XX century. Conclusions are drawn about the most pronounced feeling of fear among all generations of Russians when assessing various images of war; the absence of differences in the perception of the Second World War among four generations of Russians (N = 589 people) in all emotional reactions, except for the experience of pride in the results of the war. Separately, the so-called “Y” generation is described, experiencing the least vivid emotional reaction, including in terms of feelings of empathy.

Keywords: generation, collective memory, emotions, visual research methods, war, WWII.

For citation: Rikel A.M., Fedorova N.V., Bovina I.B. Between Grief and Pride: Visual Methods for the Study of Intergenerational Features of Emotional Experiences and Collective Memory of the War. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 127—143. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290408>

Введение

Поколение понимается в рамках данного исследования в его социально-психологическом значении. Данная трактовка противостоит биологическому, генеалогическому, психогенетическому или демографическому пониманию и восходит к классическому понятию К. Маннгейма, который определял *поколение* с помощью совместно пережитого в чувствительном периоде опыта, позднее трансформирующегося в коллективно схожие реакции на основании сформированных ценностей [33]. Данная трактовка включает в себя исторический, социологический, культурологический и, как результат, социально-психологический подход к пониманию поколения [11; 18; 19; 22; 25]. В то же время, несмотря на приписываемые поколенческим группам различия, терминологические рамки самого поколения остаются размыты, концептуальные границы в различных классификациях условны, а методы исследования системообразующих факторов данной большой социальной группы не всегда объективны [17; 19; 39].

С опорой на выделенный выше социально-психологический критерий рассматриваются различные классификации поколений по факту значимых общественно-исторических и культурно-технологических событий, произошедших в период активной социализации представителей поколений. В рамках описываемого здесь исследования в качестве базовой классификации выступила типология Н. Хоува и У. Штраусса [19], которая, являясь изначально научно-популярной, едва ли может быть эталоном научной операционализации, однако она прочно вошла в мировую научную традицию исследования как наиболее используемая [31].

Если представители одного поколения становятся свидетелями значимого исторического события, то коллективная память и эмоциональ-

ные реакции на такие события могут быть рассмотрены как важнейшие конструкты, объединяющие поколения [2; 15]. Групповая по своей природе память передается из поколения в поколение посредством неформальной коммуникации с родственниками и близкими, с помощью коммеморативных мероприятий и институционального нарратива, под влиянием СМК и пр. [36].

Коллективная память дает возможность ее носителю идентифицировать себя с группой, поддерживать социальную идентичность, помогает группе осознать свое единство и своеобразие, определить групповые ценности, нормы и поведение [2; 36]. При этом содержанием коллективной памяти становятся только значимые события, актуальные в рамках совместного общения, что делает ее важной для поколенческого дискурса [8].

Исследования коллективной памяти часто проводят с использованием межпоколенческих срезов эмоционально значимых событий [8; 23; 28; 29; 38], которые можно считать важными для общества, если в их результате эмоциональные коллективные переживания могут охватывать целые этнические и национальные группы [28]. Такими событиями могут быть революции, смены общественного строя, массовые миграции, экономические кризисы, войны и пр. Не все войны, однако, оставляют сходные следы и эмоциональные реакции. Например, если Вторую мировую войну или войну во Вьетнаме американские респонденты хорошо помнят, то войну в Корее — забыли [36].

В контексте данного исследования важно исследовать факт эмоционального воздействия не только на непосредственных участников событий, но и на представителей последующих поколений (например, переживание чувства вины у последующего поколения, передача представлений о прошедших конфликтах и войнах, вопросы идентификации с воевавшим поколением и пр.) [6].

То, что М. Хальбвакс понимал под коллективной памятью, содержание совпадает с социальными представлениями о прошлом [32; 34]. При этом актуализация этих представлений и воспоминаний осуществляется, в том числе, с помощью различных символов, т. е. коллективная память по своей природе символична [21].

Усиливают данный эффект межпоколенческие различия в способах обработки информации. Так, очевидная доминанта визуальной культуры, подразумевающая преобладание в культурном пространстве зрительных образов над текстовыми, давно стала общим местом в трудах культурологов [5; 16; 24; 27]. Фотографии и видеоматериалы перестают играть лишь сопровождающую функцию в познании окружающего мира, но все больше становятся сами по себе источником как информации, так и вызывающих их чувств и переживаний. Этому, бесспорно, способствует развитие цифровых технологий, новых медиа, а также по-

пуляризация среды городских культурных артефактов (наружная реклама, городской дизайн, стрит-арт и пр.) [12]; обучающие программы также начинают опираться на образы (инфографики, презентации, мемы и иные графические принципы) [1; 14; 30]. В условиях усиления роли визуальных образов и презентаций в образовательном процессе повышается значимость их использования при формировании эмоциональной составляющей коллективной памяти о войнах [24].

В описываемом здесь исследовании предпринимается попытка изучения не того, как широко известные и распространенные символические визуальные образы формируют коллективную память (это традиционный способ изучения, представленный в литературе) [26; 36], а, скорее, наоборот, — какую эмоциональную реакцию вызывают визуальные образы в уже сформированной коллективной памяти.

Войны являются примерами одновременно травмирующих и героических событий, отраженных в коллективной памяти и вследствие этого глубоко в ней укорененных [9; 10; 24; 29; 38]. Символизация такого события, как война, может происходить в произведениях художественной культуры, медиа-пространстве, а также в рамках урбанистической меморизации (памятники, монументы и пр.). Так, места памяти служат «точками опоры» для консолидации информации о прошлом, препятствования появлению ее «разрывов» [15]. В этом контексте любопытно различать меморизацию героических и негероических военных конфликтов (например, Великую отечественную и Афганскую войны). Точно так же сложность отношения россиян к событиям Первой мировой войны может быть сопоставлена с аналогичной неоднозначностью отношения немцев к событиям Второй мировой войны: негероическое прошлое, связанное у представителей двух наций с этими событиями, заставляет потомков отказываться от меморизации данных событий, способствует вытеснению символов данных войн из коллективной памяти [36].

Ранее было выявлено, что Великая отечественная война должна нести менее негативный эмоциональный характер в силу ярких героических чувств, связанных с ней, которые в отличие от тех же Первой мировой или Афганской войны, были вызваны достигнутой победой и ощущением собственной правоты у ее участников [10]. При этом саму роль Великой отечественной войны в восприятии современных россиян сложно переоценить: в недавнем исследовании упоминания о Великой отечественной войне заняли лидирующие позиции в ядре социальных представлений при воспоминаниях о «событиях в России в XX веке», о которых в том числе «надлежит знать и помнить детям» [4]. Показательно, что именно упоминания о ВОВ в данном исследовании объединяли различные поколенческие группы, представители каждой из которых

ощущали «гордость» за результаты этой войны. Подобные результаты соответствуют укоренившимся представлениям о победоносных военных операциях в США и других странах [40].

В предыдущих исследованиях, что уже отмечалось выше, как правило, в фокусе внимания оказываются содержательные аспекты исторических событий [36], это справедливо и в случае изучения памяти о войне [3; 32; 36]. В меньшей степени внимание исследователей уделялось эмоциональному измерению представлений о войне [35], которое и окажется в фокусе внимания в данном исследовании.

Методы и процедура исследования

Проблемой является недостаточность изучения лишь когнитивных аспектов (воспоминаний, представлений) при анализе коллективной памяти о войнах XX века в контексте эмоциональной составляющей коллективной памяти. Известно, что коллективная память сохраняет крайне положительные или крайне отрицательные эмоциональные переживания [41], и в качестве *гипотезы* данного исследования выступило предположение о том, что Великая отечественная война, затронувшая большое количество семей современных россиян, будет вызывать более значительную «положительную» и «отрицательную» эмоциональную реакцию, чем другие войны, что соотносится с предыдущими зарубежными исследованиями [41].

Выборку исследования составили представители четырех поколений (589 человек): представители так называемого поколения Z (14—17 лет) — 67 человек, Y (18—32 года) — 326 человек, X (33—53 года) — 148 человек, ВВ (54—63 года) — 48 человек. Методом формирования выборки послужил «снежный ком», выборка не выровнена по возрасту, но выровнена по полу (58% женщины, 42% мужчины), образованию (43% высшее, 38% — иной уровень образования), а также по регионам проживания в России.

Проективная методика, использованная в данном исследовании, принадлежит к группе визуальных методов, которые предполагают изучение не только реальности, представленной на изображении (фотографии), но и особенностей образа этой реальности, конструируемой наблюдателем (респондентом) [37], поскольку изображения выступают своеобразным триггером для инициации чувств и переживаний респондентов [13].

Исследование проходило в два *этапа*. На *первом этапе* было необходимо оценить, насколько зрительные стимулы прототипичны для определенного исторического события (войны). В качестве стимульного материала были выбраны фотографии трех войн, в которых участвовала

Россия на протяжении XX века: Первая мировая война (ПМВ), Великая отечественная война (ВОВ), Чеченская война (ЧВ). Афганская война не была выбрана из-за специфических условий ландшафта, принципиально отличающихся от двух других войн.

Зрительные стимулы представляли собой черно-белые фотографии, отобранные по двум критериям: (1) историческое событие (ПМВ, ВОВ или ЧВ); (2) эмоциональная реакция, которую предположительно должна была вызвать фотография: негативная (сражения, активные боевые действия) (далее — «-»), нейтральная (фронтовые фотографии, жизнь солдат вне боя) (далее — «0»), позитивная (какие-то радостные события, досуг, развлечения и отдых на фронте) (далее — «+»). Фотографии были отобраны по наличию солдат мужского пола, отсутствию женщин и детей, животных. Экспертам (23 специалистам с высшим историческим образованием) предложили оценить 46 фотографий в случайном порядке. Им необходимо было в свободной форме написать, к какому временному периоду относится каждая фотография и оценить степень уверенности в своем ответе. На основании их оценок было выбрано 10 зрительных стимулов («+», «-» и «0» — фото ПМВ, ВОВ и ЧВ) с наивысшим коэффициентом согласованности ответов (не менее 73,9% согласованности).

На *втором этапе* исследования респондентам предлагалось в свободной форме оценить отобранные ранее зрительные стимулы (фотографии), причем им не сообщалось, к какому временному периоду они относились. В качестве инструкции выступал следующий текст: «Посмотрите, пожалуйста, на фотографию ниже. Какие чувства она у Вас вызывает?...». Главной целью здесь стала рефлексия своих эмоций, которая на уровне коллективной памяти, связанной с той или иной исторической символикой, в свою очередь позволяла исследователям при интерпретации связать это с конкретной войной.

Для *обработки* результатов использовалась программа для первичного текста, которая подготавливала ответы респондентов, приводя словоформы к каноническому виду путем отбрасывания окончаний (первичный автоматизированный контент-анализ). Далее из полученных словоформ выделялись слова, указывающие на чувства и эмоции, которые уже после этого стали основой для ручного контент-анализа текста (в соответствии с целями исследования). Надежность категоризации проверялась экспертной оценкой (коэффициент надежности «Пи», критерий Скотта = 0,9). Далее был предпринят частотный анализ. Для проверки значимости различий между выраженностью тех или иных чувств о войне у конкретных поколений и для сравнения данных по ВОВ и по другим войнам в рамках выборки использовался критерий Манна—Уитни (программа SPSS).

Результаты

Разработанная категориальная сетка включала следующие категории, описывающие эмоциональные переживания: А. *Негативные эмоциональные переживания* (например, ненависть, отвращение, ярость, горе, печаль, боль); А1. *Проявления страха* (например, страх, тревога, ужас); Б. *Позитивные эмоциональные переживания* (например, воодушевление, уверенность; надежда); Б1. *Проявления гордости* (например, гордость, трепет); Б2. *Проявления эмпатии, сопереживания другим, признательности*; В. *Атрибуция и описание эмоций и чувств бойцов*; Г. *Нейтральные эмоциональные переживания* (например, безразличие, апатия); Д. *Иные эмоции*.

На рис.1 показана представленность выделенных категорий в ответах респондентов разных поколений безотносительно к конкретным войнам XX века. Для анализа различий между выделенными категориями был использован однофакторный дисперсионный анализ ANOVA и критерий Манна—Уитни для независимых выборок. Наиболее выраженной представленной эмоцией является «Страх», он же получает наиболее значимые различия между поколенческими группами. У так называемого поколения «Х» эмоции менее выражены, чем у остальных поколений ($p = 0,01$). Выраженность «Эмпатии» уменьшается при уменьшении возраста поколения, а «Гордость», напротив, увеличивается. В целом, чувства и эмоции оказываются значимо чаще представлены у поколения «Y», чем у поколения «X» ($p = 0,033$).

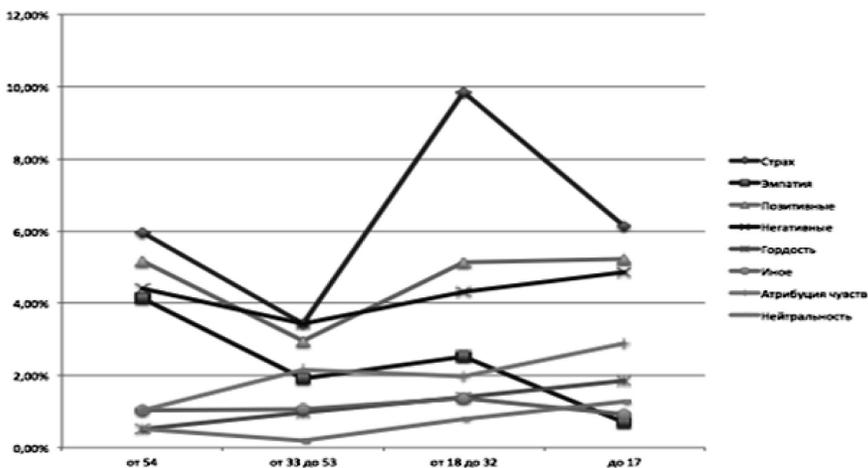

Рис. 1. Представленность категорий ответов в четырех поколениях (%)

В табл. 1 представлено сравнение исследованных войн с точки зрения использования словоформ, описывающих эмоциональные переживания.

Таблица 1
Представленность эмоциональных переживаний в описании трех войн (%)

Категории эмоциональных переживаний	ПМВ	ВОВ	ЧВ
Атрибуция чувств	6,21	8,98	9,93
Гордость	4,24	21,27	6,96
Негативные переживания	25,52	17,21	26,57
Нейтральные переживания	7,98	2,33	4,24
Позитивные переживания	24,14	16,61	5,60
Страх	14,58	22,08	30,31
Эмпатия	10,74	7,58	11,63
Иное	6,60	3,95	4,75

Статистический анализ с использованием критерия Манна—Уитни показал, что количество категорий, описывающих чувства в целом, в частности — чувства гордости, выше при описании ВОВ, чем при описании других войн ($p = 0,01$). ПМВ превалирует в категории «Нейтральное», что может говорить о некой отстраненности респондентов от этих событий, что уменьшает количество ярких чувств и эмоций. В пользу этого предположения говорит наименьшая выраженность категории «Страх». Категория «Эмпатия» выражена одинаково во всех трех случаях (статистически значимые различия между группами отсутствуют). При описании ЧВ, в отличие от ПМВ и ВОВ, наименее выражены позитивные чувства, наиболее выражена категория «Страх».

Обсуждение результатов и выводы

1. Наиболее выраженным чувством, возникающим при описании войны, у всех поколений является страх, что кажется естественным, как в самой логике войны, так и в сложившейся актуальной геополитической обстановке. ЧВ происходила именно в этап активной социализации поколения «Y», в то же время война в Афганистане происходила не на территории СССР и коснулась по большей части непосредственных участников войны и их близких. Возможно, для поколения 32—54-летних война не является событием, вызывающим столь бурную эмоциональную реакцию, потому что в период их юности не происходило никаких серьезных вооруженных конфликтов. В рамках другой интерпретации коллективная память передается из поколения в поколе-

ние, и практически все родители и родственники респондентов старше 54 лет (для тех, кто не был непосредственным свидетелем ВОВ) были ее участниками. То есть коллективная память была передана этому поколению от непосредственных участников событий, что говорит о том, что ВОВ может вызывать у них сильные чувства.

2. В то же время в целом более низкая «Эмпатия» у молодого поколения соотносится с полученными в предыдущих исследованиях данными о преобладании стратегии конкуренции над кооперацией в межличностных отношениях у «игреков» [20], что также можно объяснить условиями их социализации в полноценной рыночной конкурентной среде. Этот показатель может быть интересен для дальнейших исследований в контексте психотерапевтической практики: распространяется ли данный вывод только на отношение к войне или в целом на жизненную стратегию данного поколения.

3. Сравнение ВОВ с другими войнами показывает два интересных результата. ВОВ вызывает чувство гордости у всех поколений. Преобладание гордости, связанной с ВОВ, вполне логично: ее итогом стала победа страны, в то время как ПМВ не закончилась для Российской Империи победой, а итоги ЧВ в общественном мнении не так однозначны, что вполне логично, в контексте предыдущих исследований [28; 40]. Это соотносится с выводами исследователей, называющих «слепым пятном памяти» уход непобедных сторон войн в «подсознание» общества [7].

4. Другой, не вполне ожидаемый результат, отчасти противоречащий изначальной гипотезе исследования, показывает, что ВОВ не вызывает более ярких негативных эмоций для исследуемой выборки, так как ее восприятие с точки зрения предстательности отрицательных эмоций не отличается от восприятия других войн. Логичной версией объяснения этого факта может стать естественность преобладания отрицательных эмоций при наблюдении изображений войны. В то же время наиболее логичной для авторов исследования моделью интерпретации (которая не противоречит описанным выше схемам) является та, согласно которой у российского населения, активно испытывающего гордость (т. е. положительные эмоции) за результаты ВОВ, в то же время не происходит дифференциации данной войны в части восприятия ее негативной составляющей. Государственная информационная политика логичным образом не нацелена на воздействие на чувства в этой части эмоционального спектра, что делает вполне логичным «уравнивание» чувства горя от ВОВ с другими войнами. В целом, восприятие войны в контексте «праздника со слезами на глазах», (т. е. своеобразная амбивалентность в оценке этих событий), должно быть учтено в части анализа консультативной практики не только у участников военных действий, но и у представителей последующих по-

колений, переживающих те или иные эмоциональные реакции в связи с прошедшими войнами.

5. Можно предположить, что описанный выше «уход» эмоций от непобедоносных войн в коллективное бессознательное может стать некоторым, на первый взгляд, незаметным, но в отдельных случаях весомым фактором при индивидуальной и групповой психотерапевтической практике в тех случаях, когда может идти речь о личной биографической отнесенности событий упомянутых в данном исследовании войн. Одним из способов подтверждения субъективной значимости для клиента в процессе терапевтической работы описываемых военных событий могут выступить примененные в данном исследовании визуальные методы, которые помимо своей исследовательской функции могут играть роль стимульного материала для проективной методики.

Некоторые ограничения исследования

1. Полученные результаты могут быть проинтерпретированы и в контексте возрастных, а не поколенческих различий. Данное альтернативное объяснение никогда нельзя полностью исключать, если не проводить дополнительных замеров идентификации с поколением или АРС—когортного анализа [19], однако в контексте полученных нами данных поколенческий контекст интерпретации рассматривается нами как наиболее уместный. Так, конфигурация ответов внутри групп, соответствующих поколению, скорее говорит в пользу нашей интерпретации, т. е. скорее социального и культурного, а не возрастного фактора.

2. Не представляется возможным полностью исключить фактор эмоциональной реакции на конкретное изображение на фотографиях, а не на репрезентируемые на них военные действия, хотя значимость данного ограничения может быть отчасти снижена за счет того, что (а) экспертный этап нашего исследования помог отделить фотографии по временной отнесенности к тому или иному конкретному военному периоду и (б) последующая статистическая обработка позволила отследить различия в отношении к фотографиям разных войн с одинаковой эмоциональной валентностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алехин А.Н., Грекова А.А.* «Псевдопсихопатологические» формы мышления в современных условиях // Вестник психотерапии. 2018. № 66. С. 137—151.
2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 328 с.
3. *Афанасьева А.И., Меркушин В.И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 11—22.

4. Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном российском обществе // Человеческий капитал. 2017. № 11. С. 76—82.
5. Беззубова О.В. Визуальная культура и визуальный поворот в культуральных исследованиях второй половины XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 75—79.
6. Болебер В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizaciya-transformaciya...> (дата обращения: 15.07.2017).
7. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
8. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
9. Емельянова Т. П., Кузнецова А. В. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 123—129.
10. Емельянова Т.П., Мишарина А.В. Ознаменованье Победы в Великой Отечественной войне в восприятии различных социальных групп // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 220—229.
11. Левада Ю.А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000—2005. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 507 с.
12. Мальковская И. А. Визуальная культура: проблемы самоидентичности // Гуманитарные науки: теория и методология. 2008. №4. С. 45—49.
13. Мельникова О.Т., Мезенцева А.С. Визуальные методы в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. №3. С. 42—52. DOI:10.17759/sps.2018090305
14. Нечаев В.Д., Дурнева А.Е. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2018. № 1. С. 36—45.
15. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 48—72.
16. Павлова Е.Г. Визуальный образ в медиапространстве и современность // Социология. 2015. № 3. С. 108—114.
17. Постникова М.И. Концептуальная модель межпоколенных отношений в современном российском обществе // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2. С. 78—82.
18. Пищик В.И. Преемственность и изменение общих черт поколений, сопряженных с их ментальностью // Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография / Под ред. Л.И. Рюминой. М.: КРЕДО. 2015. С. 20—30.
19. Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 9—18. DOI:10.17759/sps.2019100202

20. *Рикель А.М., Тычина М.И.* Межпоколенные различия стратегий межличностных отношений [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.06.2020).
21. *Рикёр, П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с. 22.
22. *Семенова В.В.* Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213—237.
23. *Семилет Н.В.* Концепция трансгенерации коллективной травмы: способы исцеления [Электронный ресурс] // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-transgeneratsii-kollektivnoy-travmy-sposoby-istseleniya> (дата обращения: 07.06.2020).
24. *Gartner S.S , Gelpi C.F.* The Affect and Effect of Images of War on Individual Opinion and Emotions // International Interactions. 2016. Vol. 42. P. 172—188. DOI: 10.1080/03050629.2015.1051620
25. *Gilleard C., Higgs P.* Contexts of Ageing: Class, cohort and community, Cambridge: Polity Press, 2005. 358 p.
26. *Haköngäs J. E., Sakki I. H.* Visualized Collective Memories: Social Representations of History in Images Found in Finnish History Textbooks // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2016. Vol. 26. P. 496—517. DOI:10.1002/casp.2276
27. *Harper D.* Talking about pictures: a case for photo elicitation. Visual Studies. Vol. 17. London: Routledge Publ., 2002. P. 13—26.
28. *Hirschberger G.* Collective Trauma and the Social Construction of Meaning // Frontiers in Psychology. 2018. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01441
29. *Holl T., Ross A.* Rethinking Affective Experience and Popular Emotion: World War I and the Construction of Group Emotion in International Relations// Political Psychology. 2019. Vol. 40. DOI:10.1111/pops.12608
30. *Jones C., Ramanau R., Cross S., Healing G.* Netgeneration or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? // Computers and Education. 2010. Vol. 54. P. 722—732.
31. *Joshi A., Dencker J., Franz. G.* Generations in Organizations // Research in Organizational Behavior. 2011. Vol. 31. P. 177—205. DOI:10.1016/j.riob.2011.10.002
32. *Liu J.H., Hilton D.* How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // British Journal of Social Psychology. 2005. Vol. 44. P. 537—556.
33. *Mannheim K.* Essays on the sociology of knowledge. London: Routledge. 1997. 256 p.
34. *Moliner P., Bovina I.* Architectural Forms of Collective Memory // International Review of Social Psychology. 2019. Vol. 32. DOI: <https://doi.org/10.5334/irsp.236>
35. *Moliner P., Bovina P., Rikel A. Fedorova N.* Émotions du passé et émotions du futur dans les représentations sociales de la guerre. Une étude exploratoire en Russie. [Электронный ресурс]. Adrips Online conference, 2020. URL: https://osf.io/7r95w/?view_only=773e613c7f6c449895cdb8f672958fd5(дата обращения: 20.02.2021)
36. *Paez D.R., Liu J.H.-F.* Collective memory of conflicts. In: D. Bar-Tal (Ed.). Frontiers of social psychology. Intergroup conflicts and their resolution: A social psychological perspective // Psychology Press. 2011. P. 105—124.

37. Rose G. Visual Methodologies. An Introduction to Researching with Visual Materials. London: Sage, 2007. 240 p.
38. Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memory // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. P. 359—381.
39. Twenge J.M., Campbell S.M. Birth cohort differences in the Monitoring the Future dataset and elsewhere: Further evidence for Generation Me — Commentary on Trzesniewski and Donnellan // Perspectives on Psychological Science. 2010. Vol. 5. P. 81—88.
40. Watkins H., Bastian B. Lest We Forget: The Effect of War Commemorations on Regret, Positive Moral Emotions, and Support for War // Social Psychological and Personality Science. 2019. Vol. 10. DOI: 10.1177/1948550619829067
41. Zipris I., Pliskin R., Canetti D., Halperin E. Exposure to the 2014 Gaza War and Support for Militancy: The Role of Emotion Dysregulation // Personality and Social Psychology Bulletin. 2019. Vol. 45. DOI:10.1177/0146167218805988

REFERENCES

1. Alehin A.N., Grekova A.A. «Pseudopsihopatologicheskie» formy myshlenija v sovremennyh uslovijah [«Pseudopsychopathological» forms of thinking in modern conditions]. Vestnik psihoterapii [Bulletin of psychotherapy], 2018, pp. 137—151 (In Russ).
2. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo: memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika [Long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p. (In Russ).
3. Afanas'eva A.I., Merkushin V.I. Velikaja Otechestvennaja vojna v istoricheskoi pamjati rossijan [The Great Patriotic War in the Historical Memory of Russians]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological studies], 2005. Vol. 8, pp 11—22 (In Russ).
4. Baranova V. A., Dontsov A. I. Kollektivnaja pamjat' o sobytijah v Rossii XX veka v sovremennom rossijskom obshhestve [Collective memory of events in Russia of the XX century in modern Russian society]. Chelovecheskij kapital [Human capital], 2017. Vol. 11, pp. 76—82 (In Russ).
5. Bezzubova O.V. Vizual'naja kul'tura i vizual'nyj povorot v kul'tural'nyh issledovanijah vtoroj poloviny XX veka [Visual culture and visual turn in cultural studies of the second half of the twentieth century]. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki [Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2012, pp. 75—79 (In Russ).
6. Boleber V. Vospominanie i istorizacija: transformacija individual'noj i kollektivnoj travmy i ee mezhpokolencheskaja peredacha [Recollection and historicization: transformation of individual and collective trauma and its intergenerational transmission]. Zhurnal praktičeskoj psihologii i psihoanaliza [Journal of practical psychology and psychoanalysis], 2010, no 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizacija-transformacija>. (Accessed: 15.07.2017) (In Russ).
7. Gudkov L.D. Negativnaja identičnost' [Negative identity]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2004. 816 p. (In Russ).
8. Emel'janova T.P. Kollektivnaja pamjat' o sobytijah otechestvennoj istorii: social'no-psihologičeskij podhod. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2019. 299 p. (In Russ).

9. Emel'janova T. P., Kuznetsova A. V. Znachimye figury rossijskoj istorii v kollektivnoj pamjati raznyh grupp obshhestva [Significant figures of Russian history in the collective memory of different groups of society]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2013, no. 2, pp. 123—129. (In Russ).
10. Emel'janova T. P., Misharina A. V. Oznamenovanie Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne v vosprijatii razlichnyh social'nyh grupp [Commemoration of Victory in the Great Patriotic War in the perception of various social groups]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2014, no 4, pp. 220—229. (In Russ).
11. Levada Ju. A. Sochinenija: izbrannoe: sociologicheskie ocherki, 2000—2005 [Works: selected: sociological essays, 2000—2005]. Moscow: Izdatel' Karpov E.V., 2011. 507 p. (In Russ).
12. Mal'kovskaja I. A. Vizual'naja kul'tura: problemy samoidentichnosti [Visual culture: problems of self-identity]. *Gumanitarnye nauki: teorija i metodologija [Humanities: theory and methodology]*, 2008, no. 4, pp. 45—49 (In Russ).
13. Mel'nikova O.T., Mezentseva A.S. Vizual'nye metody v social'no-psihologicheskom issledovanii [Visual methods in socio-psychological research]. *Social'naja psihologija i obshhestvo [Social psychology and society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 42—52. DOI:10.17759/sps.2018090305 (In Russ).
14. Nechaev V.D., Durneva A.E. «Cifrovoe pokolenie»: psihologo-pedagogicheskoe issledovanie problemy [“Digital generation”: psychological and pedagogical study of the problem]. *Pedagogika [Education]*, 2018, pp 36—45 (In Russ).
15. Nora P. Pokolenie kak mesto pamjati [Generation as a place of memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]*, 1998, pp. 48—72 (In Russ).
16. Pavlova E.G. Vizual'nyj obraz v mediaprostranstve i sovremennost' [Visual image in the media space and modernity]. *Sociologija-Sociology*, 2015, pp. 108—114 (In Russ.).
17. Pishhik V.I. Preemstvennost' i izmenenie obshhkih chert pokolenij, soprjzhenykh s ih mental'nost'ju [Continuity and change in the general features of generations associated with their mentality]. In *Prikladnaja psihologija obshhenija i mezhlichnostnogo poznanija: kollektivnaja monografija [Applied psychology of communication and interpersonal knowledge: a collective monograph]* L.I. Rjumshinoj (ed.). Moscow: KREDO, 2015, pp. 20—30 (In Russ).
18. Postnikova M.I. Konceptual'naja model' mezhpokolennyh otnoshenij v sovremennom rossijskom obshhestve [Conceptual model of intergenerational relations in modern Russian society]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija [World of science, culture, education]*, 2010, pp. 78—82 (In Russ).
19. Rikel' A.M. Pokolenie kak ob'ekt izuchenija social'noj psihologii: issledovanie na «svoem pole» ili na «nich'ej zemle»? [Generation as an object of study of social psychology: research in “home” or in “no one’s land”?]. *Social'naja psihologija i obshhestvo [Social psychology and society]*, 2019. Vol. 10, pp. 9—18. DOI:10.17759/sps.2019100202 (In Russ).
20. Rikel' A.M., Tychinina M.I. Mezhpokolennye razlichija strategij mezhlichnostnyh otnoshenij [Intergenerational differences in strategies of interpersonal relations]. *Psihologicheskie issledovanija [Psychological studies]*, 2017. Vol. 10. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 15.06.2020) (In Russ).
21. Rikjor P. Pamjat', istorija, zabvenie [Memory, history, oblivio]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoj literatury. 2004. 728 p. (In Russ).

22. Semenova V.V. Sovremennye konceptual'nye i jempiricheskie podhody k ponjatiju «pokolenie» [Modern conceptual and empirical approaches to the concept of «generation»]. *Rossija reformirujushhasja: Ezhegodnik*. Pod red. L.M. Drobizhevoj [In: L.M.Drobizheva (ed.). Reforming Russia: Yearbook]. Moscow: Institut sociologii RAN. 2003, pp. 213—237 (In Russ).
23. Semilet N.V. Koncepcija transgeneracii kolektivnoj travmy: sposoby iselenija [The concept of transgeneration of collective trauma: methods of healing]. *Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri [Bulletin on Pedagogy and Psychology of South Siberia]*, 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-transgeneratsii-kollektivnoj-travmy-sposoby-istseleniya> (Accessed: 07.06.2020).
24. Gartner S.S , Gelpi C.F. The Affect and Effect of Images of War on Individual Opinion and Emotions. *International Interactions*, 2016. Vol. 42. DOI: 10.1080/03050629.2015.1051620
25. Gilleard C., Higgs P. *Contexts of Ageing: Class, cohort and community*. Cambridge: Polity Press. 2005. 358 p.
26. Hakoköngäs J. E., Sakki I. H. Visualized Collective Memories: Social Representations of History in Images Found in Finnish History Textbooks. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 2016. Vol. 26, pp. 496—517. DOI:10.1002/casp.2276
27. Harper D. *Talking about pictures: a case for photo elicitation*. *Visual Studies*. London: Routledge Publ, 2002. Vol. 17, pp. 13—26.
28. Hirschberger G. Collective Trauma and the Social Construction of Meaning. *Frontiers in Psychology*, 2018. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01441
29. Holl T., Ross A. Rethinking Affective Experience and Popular Emotion: World War I and the Construction of Group Emotion in International Relations. *Political Psychology*, 2019. Vol. 40. DOI:10.1111/pops.12608
30. Jones C., Ramanau R., Cross S., Healing G. Netgeneration or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? *Computers and Education*, 2010. Vol. 54, pp. 722—732.
31. Joshi, A. Dencker, J. Franz. G. Generations in Organizations. *Research in Organizational Behavior*, 2011. Vol. 31, pp. 177—205. DOI:10.1016/j.riob.2011.10.002.
32. Liu J.H., Hilton D. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics. *British Journal of Social Psychology*, 2005. Vol.44, pp. 537—556.
33. Mannheim K. *Essays on the sociology of knowledge*. London: Routledge. 1997. 256 p.
34. Moliner P., Bovina, I. Architectural Forms of Collective Memory. *International Review of Social Psychology*, 2019. Vol. 32. DOI: <https://doi.org/10.5334/irsp.236>
35. Moliner P., Bovina P., Rikel A. Fedorova N. Émotions du passé et émotions du futur dans les représentations sociales de la guerre. Une étude exploratoire en Russie. *Adrips Online meeting*, 2020. URL: https://osf.io/7r95w/?view_only=773e613c7f6c449895cdb8f672958fd5(Accessed: 20.02.2021)
36. Paez D. R., Liu J. H.-F. Collective memory of conflicts. In D. Bar-Tal (ed.). *Frontiers of social psychology. Intergroup conflicts and their resolution: A social psychological perspective*. Psychology Press, 2011, pp.105—124.
37. Rose G. *Visual Methodologies. An Introduction to Researching with Visual Materials*. London: Sage, 2007. 240 p.

38. Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memory. *American Sociological Review*, 1989. Vol. 54, pp. 359—381.
39. Twenge J. M., Campbell S. M. Birth cohort differences in the Monitoring the Future dataset and elsewhere: Further evidence for Generation Me — Commentary on Trzesniewski and Donnellan. *Perspectives on Psychological Science*, 2010. Vol. 5, pp. 81—88.
40. Watkins H., Bastian B. Lest We Forget: The Effect of War Commemorations on Regret, Positive Moral Emotions, and Support for War. *Social Psychological and Personality Science*, 2019. Vol. 10. DOI: 10.1177/1948550619829067
41. Zipris I., Pliskin R., Canetti D., Halperin E. Exposure to the 2014 Gaza War and Support for Militancy: The Role of Emotion Dysregulation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45. DOI:10.1177/0146167218805988

Информация об авторах

Рикель Александр Маркович, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>, e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Федорова Наталья Владимировна, выпускница факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: fedorova731@mail.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Alexander M. Rikel, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>, e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Nataly V. Fedorova, Graduated from Moscow State University, Moscow State University Moscow, Russia, e-mail: fedorova731@mail.ru

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 05.12.2020

Received 05.12.2020

Принята в печать 01.09.2021

Accepted 01.09.2021